

О моем Сталинске

//Кузнецкий рабочий. – 2009. – 2
апреля (№ 36). – С. 2

(Окончание. Начало в № 30 и 33.)

Одержанные в 1943 году победы на фронте повлияли на некоторые изменения в жизни. Возродили старые звания, появились офицеры, погоны. ФЗУ превратились в ремесленные училища. Там ввели форму – черную шинель и фуражку, на петлицах буквы "РУ" и молоточки из металла. Появилась добрая зависть к ремесленникам. Пацанва могла работать не по 12, а по 6 часов в день и увольняться с работы. Перед входами в бараки мальчишки били чечетку. Болезнь овладеть искусством чечетки, была заразна. Чечеточник Шубарин стал знаменит на всю страну.

Я ушел из шахты и стал работать в завкоме металлургов в должности "писателя букв красками". Встретился с новыми товарищами, стал рисовать и приобщаться к изобразительному искусству. Получил пропуск на вход в КМК.

Я был во всех цехах комбината, иногда из любопытства, например, в мартене. Я видел сталевара Буркацкого в красной рубашке с лопатой у створки мартеновской печи, его мужественное лицо, когда его рисовала для Доски почета Пана Филипповна Беляева, один из старейших художников нашего города. Видел Романа Васильевича Белана, директора завода, бегавшего в синем комбинезоне и резиновых сапогах по комбинату. Он не просил помощи у правительства, не просил запчастей, он "делал их сам". Пять механических цехов обеспечивали прокатные станы станками, валками и всем-всем-всем. Шамотный цех давал шамотный кирпич. Все делалось на комбинате своими материалами, своими

руками, своим умом, своими героями.

В копровом цехе я видел чудовища немецкой военной техники – танки

"Тигры", "Пантеры", "Фердинанды". Я лазил в башни танков, разглядывал замки танковых орудий, видел мундиры или тряпье, оставшееся от мундиров немецких танкистов. Я заметил, что "Тигры" и «Пантеры», да и "Фердинанды", обмазаны поверх брони цементом с рустами в клеточку, чтобы танки не горели. Этого "скрапа" было так много в городе, что были переполнены пустыри между Куйбышевским мостом и старым зданием СМИ. Для переплавки в мартене их резали автогенем. На площади Побед тоже были выставлены эти трофеи.

Потом я уехал "учиться на художника", как говорил наш преподаватель, в Алма-Ату. Этих "потом" было много. Но с КМК мне пришлось еще раз встретиться, когда строилась 5-я доменная печь. Профессиональные художники (Худфонд, Союз художников) тоже участвовали в строительстве, но своим ремеслом – ходили поочередно каждый день и рисовали героев стройки. Были оформлены разовые пропуска. На строительстве я увидел "натуру" для своей картины и договорился встретиться с ним после работы у входа в тоннель. Но мы не встретились.

Я, разочарованный, шел пешком до мастерской, расположенной над городской билетной кассой на проспекте Строителей. В мастерской (было около восьми часов вечера) я услышал двойной взрыв-вдох. Подумал, что взрывают шихту, смороженную холодом, на рудном дворе доменного цеха.

Час спустя в трамвае увидел знакомых рабочих, они разговаривали шепотом, и я узнал о взрыве на домне. Утром, как всегда, пошли слухи. В день взрыва на стройке "дежурил", то есть рисовал, Василий; Иванович Легеза. Он рассказывал, что хотел посмотреть ночные огни на стройке, побродить, посмотреть (художник ведь), но цеховой художник его уговорил идти домой. Когда они вышли из тоннеля и пошли по скверику к трамваю – раздался мощный взрыв, обернулись – а кауперов пятой домны нет. Художники эмальцефа говорили, что писали фамилии погибших – 95 эмалевых табличек...

...Мой город – моя биография. Пусть знают, что город в большей части стоит на болоте, что глина и терриконы шахт служат почвой толщиной в 4 метра, на которой построились новые дома и здания, улицы и проспекты Центрального района. От самого вокзала до деревянных Домов, построенных немцами на Левом берегу, было болото. От вокзала до театра "Коммунар" рядом с трамвайной линией было болото, на болоте стоит кафе "Юность" и парк Гагарина. На болоте построен проспект Бардина и все прилегающие дома слева и справа. На болоте построены первая горбольница, "Универбыт". На всем расстоянии до Левого берега располагались курьи.

Курья от озера отличается шириной 15–20 метров – и большей длиной. Такая курья шла от бывшего горисполком, через магазин напротив до клуба строителей и мешала продолжить проспект Металлургов (ул. Молотова) до городской кассы. От магазина, на углу напротив городских касс, курья тянулась параллельно проспекту (Строителей до улицы Береговой. На берегу этой курьи росли огромные осокори и был конный двор

КМК. Он выполнял функции очистки отхожих мест у барачных. Целые обозы в 20–30 упряжек увозили содержимое на совхозные поля: летом – бочками, зимой – полутонными ящиками. В этой же таре или похожей на нее развозили уголь по частным домам.

Жилищной проблемы не существовало: строй землянку, домик где хочешь. Воруя материал и строй. Потому много похожих названий: "Шанхай" на Островской, "Марсы", "Юпитеры" и прочие "вольницы". Город рос в ширину за счет этих "вольных поселений". Вырубались леса на дрова, и город оказался между лысых холмов в двести метров. Образумились и стали садить вокруг города пихты. Это их почва. Прижились. Топольники в Кузнецке были всегда, но отгорожены протокой ли, курьей или речкой Иванцевкой – это разные названия одного и того же. Топольники были очень густыми и высокими.

Хилая грунтовая конная дорога криво пересекала Топольники. На берегу была переправа, баржа с настилом помещала две-три конные упряжи и пассажиров, двигалась поперек реки – с чьей помощью не помню. Было одно рулевое весло. Такое было сообщение Кузнецка с городом. Ниже по реке Томи до ДОЗа – Бызово, Антоново, Телеуты. На лодках-долбленках или «на шестах» шорцы с поклажей плыли в лодках, это было красивое зрелище. Живя на берегу, я каждое утро видел, как два шорца умело обходили "косы", толкаясь одновременно тонкими прямыми шестами с наконечниками. Наконечники цокали о гальки под водой.

Напротив на берегу человек с лотком мыл золото. Потом там люди начали строить рубленые дома. Сначала строили засыпную временку, а затем, накопив и подворовав материала, в основном теса, строили сруб. В наводнение 1958 года или 1957-го, точно не помню, видел, как поднимающаяся вода закрутила сруб и понесла по реке. Человек стоял на срубе с багром, хотел удержать свой дом... Больше там не строились.

Евгений Паршуков.